

ческой окраски и призывов к покаянию. Враг силен, жесток, картина поражения рязанцев и разорения всей их земли трагична, вызывает к сочувствию, но не рождает ощущения безнадежности. Мужественная защита родины — до конца, до гибели последнего воина, презрение к врагу, беззаветная храбрость рязанцев, наводящая ужас даже на Батю и его войско, — вот та идейная основа повести, которая объединяет все ее части. Она скрепляет все эпизоды: взятие Рязани, расправу с рязанским князем Федором и смерть его жены Евпраксии, бой Евпатия Коловрата с войском Батю, заключение и последнюю характеристику рязанских князей.

В Повести о разорении Рязани народен самый замысел, вся идеология повести, внушающей веру в возможность силой оружия, а не молитвами, и покаянием бороться против страшного врага.

Подойдя вплотную к народной оценке татаро-монгольского нашествия, в частности на Рязанскую землю, автор повести ввел в самый свой замысел и целые народные сюжеты.

Уже давно исследователями отмечалось, что Евпатий Коловрат — герой народной песни о жестокой схватке с многочисленной Батыевой ратью небольшой дружины рязанских „резвцов и удалцов“. „В эпизоде о Евпатии Коловрате нельзя не видеть драгоценного остатка народной исторической песни, если не современной, то, вероятно, близкой по сложению ко времени события“.¹ Но неоднократно пытались утверждать, что в „Повести о разорении Рязани“ этот эпизод — вставной, дополнивший ранее сложившуюся повесть. Для этого нет никаких оснований, раз, как мы видели, самый замысел повести целиком соответствует народному представлению о защитниках Рязани. Органическая связь рассказа о Евпатии с общим построением повести очевидна.

Длительный бой малой дружины Евпатия с огромной ратью Батю и поединок самого Евпатия с Хостоврулом представлены в повести с обычной для народного эпоса идеализирующей гиперболизацией: „бьяше нещадно, яко и мечи притупишася“, „татарове сташа яко пьяны“, „татарове мняше яко мертви восташа“, „Еупатий же исполни силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше...“ (напр. в описании битвы войско Батю настолько численно превосходит русское, что „един бьяшеся с тысящею, а два со тмою“; рязанские „удальцы и резвцы“ бьются так „крепко и нещадно, яко и земли постонати“; убиты все „князи местные и воеводы крепкия“ — хотя, в действительности, часть князей уцелела). Сам Батый гиперболически изображает богатырство рязанцев: „Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи и не имеющие смерти“. Эпической

¹ В. С. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1937, стр. 320.